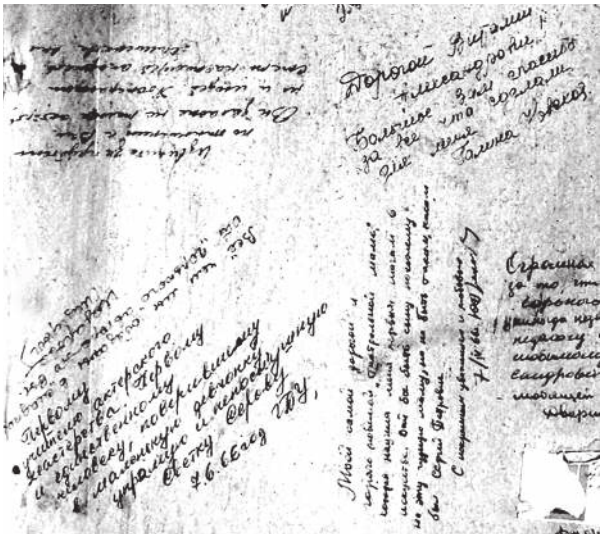
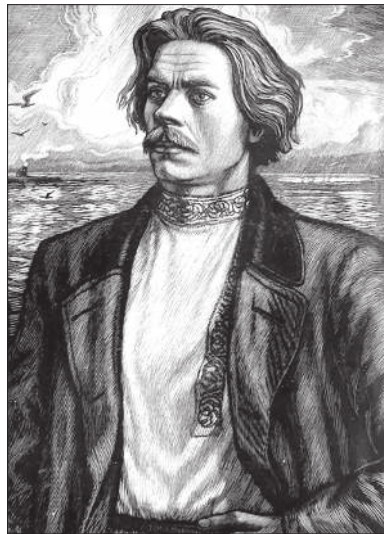

Передо мной портрет А. М. Горького, а с обратной стороны – дарственные надписи студентов Театрального училища, датированные 7/IV 1966 г. То был день премьеры спектакля по пьесе М. Горького «Васса Железнова» на курсе, где В. А. Лебский был художественным руководителем и режиссёром упомянутой «Вассы» и «Двенадцатой ночи» В. Шекспира.

Ребята писали: «Нашему самому дорогому первому учителю...», «Дорогому, первому, любимому учителю (хочу так жить, творить и любить искусство, как любите его Вы», «Первому педагогу и воспитателю, любимому Виталию Александровичу от вашей любящей Людмилы Дворниковой!», «Моему любимому учителю спасибо, большое спасибо. Большое спасибо за всё. Ваш непутевый Храпов – Олег Арлахов»; «Виталий Александрович верил в нас, и это давало нам возможность бороться за право жить в искусстве», «Моей самой дорогой и горячо любимой «театральной маме», которая научила меня первым шагам в искусстве. Дай бог быть сыну похожим на эту чудную маму... С искренним уважением и любовью 7/IV 66 г. Ю. Прохоров», «Первому учителю актёрского мастерства. Первому и единственному человеку, поверившему в маленькую девчонку, упрямую и непослушную Светку Серову», «Всё, чем мы обязаны в «сладком» от «горького» автора – это Вы»). Авторы признаний: О. Арлахов, С. Серова, Ю. Крупин, Г. Новская, Ю. Прохоров и другие – «имя им – легион»...

Виталий Александрович был директором училища и художественным руководителем нескольких курсов в 1946-1952 годах и директором

(попеременно с Л. И. Смирновой) и художественным руководителем 3-х курсов в 1961-1970 гг.

Г. А. Яворовский в одном из стихотворений, подаренном нашему курсу, называет Виталия Александровича «вечно пламенный Виталий».

В. А. Лебский горел на работе. Он был талантливым педагогом, с великолепной интуицией при наборе. При оценке той или иной индивидуальности практически никогда не ошибался. Мы говорили: «Виталий Александрович! Ну что вы в ней нашли?!» А он нам: «Хорошая девочка. Хорошая!» Мы думали: «Что он в ней увидел?» А увидел ведь! Потом этот «лягушонок» вырос и стал очень хорошей актрисой, и заслуженно стал носить звание «Заслуженной артистки России».

Виталий Александрович не ошибался при приёме никогда. У нас бывают «ошибки приёма», у него – практически никогда.

И ещё. Поразительно, но мы никогда не ощущали ни малейшего насилия, никогда. Он умел доказать свою правду, своё видение способами разными и весьма изобретательными.

Помню, когда я репетировала Элен в «Соломенной шляпке» Лабиша, категорически не хотела делать грим, который предлагал Виталий Александрович. Почему Элен должна быть такой нелепой дурнушкой?! И сопротивлялась до тех пор, пока учитель не принес мне в подарок фотографию Антонины Николаевны Самариной в одной из ролей – там она такая страшная! Я подумала: если такая красавица, как Антонина Николаевна, сделала такой «страшный» грим, мне сам Бог велел.

Ведь нашёл же Виталий Александрович способ убедить, а не заставить «силово», приказом!.. Елена Григорьевна Агапова гримировала на этом спектакле...

Основная реплика у Элен: «Папа! Что со мной будут делать?» Это она спрашивает и перед регистрацией брака. И перед первой брачной ночью, и... И когда я выходила с «отцом» впереди свадебной процессии на сцену – была большая пауза, а потом – гомерический хохот, весь зал хохотал, а потом действие продолжалось. Зрительница, которая сидела рядом с моей мамой, повторяла: «Это ж надо? Где такую дуру нашли?!» Мама моя не призналась, что «такая дура» – её дочь. Счастье, которое я пережила от успеха в «Соломенной шляпке», повторилось ли оно когда-нибудь?.. Не знаю... В других ипостасях жизни...

Сейчас, через десятилетия, понимаю, что такую любовь от окружающих вряд ли возможно было испытать. Любовь, которую Виталий Александрович нам дарил, она на всю жизнь, она согревает, она заставляет с радостью вспоминать годы учебы, эти самые дорогие в жизни годы. Он любил нас, верил в нас, и это давало силу творить. Он говорил: «Училище – не солдатские роты. Любовью ещё никто никого не испортил». И он окружал нас своей любовью.

Никогда не забывал ни про какие праздники при той скудности средств, которую мы тогда переживали. Все свои «сводные» деньги он тратил на книги (у него была одна из лучших личных театральных библиотек в городе), и многих из нас он сделал книголюбями. И, тем не менее, в День Советской армии наши мальчишки и мы с ними ели поздравительные пряники; в День 8 Марта он нас поздравлял всегда. Перед Новым годом мы становились обладателями небольших книжек с его поздравительными стихами, что было самым приятным. Мне однажды написал:

*В этот день дарю Крылова,
И такого, и сякого,
И читай их баш на баш,
Чтоб хвалила Булюбаш.
Ну, кончаю. Стол. Шабаш.
Притупился карандаш.*

И сейчас в училище многие из нас пытаются сохранять это ощущение Дома и семьи. Любовь к нашим студентам заложена в нас нашими учи-

теглями: Г. А. Яворовским, Л. А. Булюбаш, В. А. Махлиным, Ю. М. Копыловым и, прежде всего Виталием Александровичем Лебским. Мы можем их ругать, журить, но на педсоветах и совещаниях чаще всего защищаем. (Примите нас всяких, а хороших-то нас каждый примет – это тоже Виталий Александрович говорил.) Любовь и Дом.

К сожалению, Виталий Александрович умер рано. Он мечтал дожить до пенсии и писать – он был и литературно очень одарённым человеком. Не случилось. Хоронили его в день его шестидесятилетия 26 декабря 1970 года. Жаль, что он не может увидеть нас сегодняшних, повзрослевших (мягко говоря), поумневших и умеющих кое-что делать в выбранной нами профессии. За некоторых из нас, я думаю, он бы порадовался

Кто хочет увидеть Виталия Александровича в движении, посмотрите эпизод в кинофильме «Семнадцать мгновений весны». Профессор Плейшнер в исполнении самого звёздного его ученика Евгения Евстигнеева. Когда Плейшнер идёт стремительно по площади, полы пальто развеваются – идёт вперед!

А годы идут, да что там «идут» – летят. Преподавая сценическую речь, понимаешь, что ты себя обрекла. А чем дальше, тем сложнее жить и работать: если в шестидесятые годы на курсе было три-четыре человека с плохими свистящими-шипящими, то сейчас – три-четыре (без патологии); если раньше картавость в стенах училища была большая редкость – то сейчас – обычная возможность.

Наше училище, нашу кафедру председатели Госкомиссии: Народный артист России И. М. Тарханов, А. Б. Покровская, А. Н. Леонтьев, В. Б. Гаркалин, – неоднократно хвалили за «отличную речевую школу» – отличная техника (дикция, орфоэпия, хорошие голоса), точное словесное действие. Когда в 2010 году в Ярославле на фестивале «Будущее театральной России» после нашего спектакля «Время и семья Конвей» (режиссёр-педагог, Заслуженный артист России А. А. Ярлыков) Заслуженный артист России педагог Ю. Заяц – наш бывший выпускник – спросил: «Как Вам это удается?» – я ответила: «Занимаюсь больше, чем по учебному плану, да и кое-чему научилась за столько лет. И ещё! Любовь к делу и любовь к студентам!»

Когда-то в 2001 году Лена Сурodeйкина (Заслуженная артистка России, актриса нашего Нижегородского театра драмы) сказала: «Море любви. Нас любили, мы всех любили...»

Ира Лаптиева, театральная педагог, режиссёр написала: «Людмила Викторовна – речевик от бога. Не могу найти точное определение каждый раз происходящего чуда, когда видишь итог и вспоминаешь начало». И это «чудо» происходит у большинства «ручейков» нашего училища

А что мы имеем?! Падение речевой культуры в обществе. С каждым годом всё хуже и хуже. (Даже ведущие наши журналисты могут сказать: «Гордеев узел» и «Бок с ним» и т. п.) В обществе почти полностью ушло чувство родного языка. Всё это осложняет жизнь преподавателей сценической речи.

В этом году во время предварительного вступительного тура прошло 200 абитуриентов. У большинства – скороговорка, небрежная речь, зажатые нижние челюсти (о какой *вертикали* в организации гласного звука можно говорить?!) А о дикции, нарушениях литературного произношения, тусклых голосах и т. п. и говорить не приходится!

Одной из составляющих красоты русского языка является зависимость гласных звуков от ударного звука в слове: длительность звучания гласных, качество произнесения а, я, е, ё, о, и. Этой зависимости от ударного звука нет в английском языке, который, к сожалению, признан международным. И часто дети в России начинают говорить по-английски раньше, чем на родном языке. Какая звукопись и полная гласная при скором говорении?! Да ещё начинают «ползти» свистящие-шипящие! Это беда!

Три составляющие доминанты важны в работе над голосом (хорошие голоса – сейчас тоже редкость): *первое – глубина рождения звука* (не путать с заглублённостью), *высота звукового столба, полётность звука*. Есть глубина рождения звука – будет и высота звукового столба, есть высота звукового столба – будет полётность звука. *Второе – необходимо понять, что такое добор дыхания и чем он отличается от вдоха, и третье – занимающийся дыханием («дыхание – это жизнь») должен добиться, чтоб диафрагма во время речи работала рефлекторно. Это основа основ. Тогда дыхание не будет «сбиваться» и при больших физических нагрузках. Но начинать работу со студентом надо с выработки нового произносительного стереотипа.*

И помнить заветы учителей: В. А. Лебского, Е. Г. Агаповой, Л. А. Булюбаш, Л. А. Николаевой (педагога сценречи Новосибирского театрального училища) – главный из которых: «Любить свое дело и любить студента!» Что первично?!

А чтобы сохранить русскую речь с её прекрасными возможностями, необходимо организовать при училище совместно с Нижегородской телерадиокомпанией Речевой центр, который должен будет заниматься разными речевыми проблемами, среди которых одна из приоритетных – сохранение русского языка – русской речи.

1987 год.
Идут
государственные
экзамены

16 лет назад в нашем училище мы учредили конкурс чтецов имени В. А. Лебского и Е. Г. Агаповой. Это ежегодный конкурс, обычно он проходит в преддверии Международного Дня театра. Студенты – лауреаты премий этого конкурса становятся иногда победителями на Международном конкурсе чтецов им. Я. М. Смоленского, на Международном конкурсе чтецов, посвященном памяти А. П. Чехова. Среди них: Алексей Краснёнков, Максим Лакомкин, Иван Старжинский, Кирилл Гордлеев и др. Жизнь продолжается!

Закончить же мне хочется словами М. В. Ломоносова и обнадеживающим высказыванием И. С. Тургенева.

«Карл V, римский император, говаривал, что испанским языком – с Богом, французским языком – с друзьями, немецким языком – с неприятелем, итальянским языком – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присоветовал бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

И И. С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»